

Январь 1861

Расторжение Северо-Американского Союза. — Европейские дела.

Крайняя плантаторская партия, или так называемая партия сепсессионистов (secession — выступление, то есть из Союза), ведет свои дела в хлопчатобумажных штатах Северо-Американского Союза гораздо успешнее, чем сама надеялась и даже хотела бы. Южная Каролина, как читатель знает из газет, уже объявила, что она отторглась от Союза; конвенты четырех или пяти других хлопчатобумажных штатов в настоящую минуту, вероятно, уже решили также отторгнуться от Союза: в течение января, по новому стилю, должны были для этого собраться конвенты в Алабаме, Флориде, Миссисипи и Луизиане; Арканзас, Северная Каролина, Джорджия и Техас, вероятно, последуют этому примеру. Сепсессионисты надеются увлечь за собою и так называемые пограничные невольнические штаты (Border Slave States) Мериланд, Виргинию, Кентукки, Теннесси и Миссури. Почему знать? Быть может, этот расчет исполнится; но если невольнические пограничные штаты и не будут увлечены хлопчатобумажными, часть, или отделившаяся или уже отделяющаяся от Союза, составляет около третьей доли всего населенного пространства Соединенных Штатов, занимает всю огромную страну на юг от линии $36^{\circ}30'$ северной широты и на запад от линии 76° западной долготы, от Озарского хребта до Пимликской бухты, Мехиканского залива и Сабинской реки; этот громадный четырехугольник пространством своим равен всей Франции с целым Пиренейским полуостровом, составляя около 20 000 квадратных географических миль; а его население в 1850 году составляло более 5 500 000 человек из 23 000 000 населения всего Союза, — около четвертой части всего числа жителей Соединенных Штатов. Такая потеря громадна в материальном отношении; но еще важнее нравственное влияние этой катастрофы: если она совершится, весь цивилизованный мир должен подумать, что принципы Северо-Американского Союза несостоятельны, что Ва-

шингтон¹, Франклин² и Джефферсон³ мечтали о химерах, работали понапрасну. Сама Северная Америка должна будет увидеть это. А катастрофа представляется теперь слишком вероятною, чуть ли не неизбежною. Как поражены должны быть благородные люди в Соединенных Штатах! Вероятно, все патриоты Новой Англии, Нью-Йорка, Пенсильвании и «Великого Запада» от Огайо до Айовы и Миннесоты упали духом, стонут, ропщут на судьбу и на южных плантаторов, винят друг друга в неосторожности за выбор Линкольна, раздраживший южные штаты? Нам представляется верный случай узнать расположение их духа: 23 декабря должен был сказать речь на одном политическом обеде в Нью-Йорке Сьюард⁴, предводитель партии, которая выбором Линкольна поставила себя в тяжелую необходимость оплакивать свою беду, возникшую по ее неуступчивости. Город Нью-Йорк больше всех других свободных городов должен потерять от гнева хлопчатобумажных штатов; потому нью-йоркские негоцианты всегда держали сторону южных штатов. Если где, то уже наверное в Нью-Йорке «черные республиканцы» (так называют плантаторы противников невольничества) должны держать себя запуганными, признавать великость беды, выражать готовность к уступкам. Послушаем же Сьюарда, наверное смущенного и уступчивого. Что за чудо? Он говорит совершенно иным тоном, чем следовало ожидать: вместо того, чтобы унывать, он даже подшучивает над замыслами сецессионистов. Вот некоторые отрывки из его речи:

«Надобно сказать два-три слова о ненормальном положении наших дел, произведенном мыслью некоторых штатов отложиться от Союза. Это намерение — сюрприз для американского народа и целого света. Отчего же он сюрприз нам? Оттого, что оно не умно и не натурально. А впрочем, и следовало нам ждать таких попыток. Не существовало никогда в мире механизма, столь многосложного, громадного, нового, как наша федеративная система. Следует ли удивляться, что иной раз выпадает какой-нибудь винтик из такой машины и нужно бывает поправлять ее? Следовало ли нам ожидать, что мы и семьдесят лет просуществоем без надобности в поправках нашей политической системы? Каждый штат в нашем Союзе точно такая же республика, как целый Союз; каждый имеет свою конституцию; нет ни одного штата старше 70 лет, и ни в одном штате нет конституции, которая была бы старше 25 лет; что ни один штат не может обойтись больше 25 лет без надобности в поправках своей конституции, — это стало так ясно для нас, что, например, в нашем Нью-Йоркском штате должен в следующем году собраться конвент для пересмотра конституции, — не по какому-нибудь волнению, а по правилу, постановленному 20 лет назад, когда составлялась нынешняя конституция. Удивительно ли после этого, что многосложная система нашего союзного правительства в 70 лет несколько поразвинтилась и надобно машинисту осмотреть механизм, приладить расшатавшиеся колеса? Ребенок может вынуть какой-нибудь винтик из огромнейшей машины и расстроить ее движение, и машинист не может заметить, как ребенок сделает это. Но если машина устроена хорошо и прочно, машинисту стоит лишь увидеть, что выпал винтик, вставить новый, и машина пойдет лучше прежнего. У нас

семья из 33 штатов, а на-днях будет из 34 штатов*. Удивительно было бы, если бы в семье из 34 членов каждые три-четыре года не являлось неудовольствие в одном или двух, трех, даже четырех, пяти членах, не являлась бы мысль — отделиться и попробовать, не лучше ли им будет жить самим по себе. По-моему, тут ничего удивительного. Я дивлюсь лишь тому, что давно не было таких попыток. Но только вот что: ни в географических учебниках, ни в рассудке, ни в натуре не может быть на североамериканском материке штата, существующего вне Американского Союза. Я не могу поверить, что возможна такая вещь, и на то у меня много уважительных причин, — между прочим та причина, что никто не может указать основательной причины для такой отдельности. Главной причиной выставляют, что некоторые южные штаты ненавидят нас, людей свободных штатов, и говорят, будто мы ненавидим их и пропала любовь между нами. Это — чистые пустяки. Есть между нами споры о разных вещах — о получении должностей, о свободе и рабстве, но все это семейные споры, в которых мы не призывем к участию посторонних**. За пределами Американского Союза нет страны, которую я любил бы хоть наполовину так, как Южную Каролину; и я имею тщеславие и наглость полагать, что сама себе Южная Каролина втихомолку признается, что порядочно-таки любит нас. Если бы завтра кто-нибудь, все равно: Луи-Наполеон, или принц уэльский, или его матушка, или император австрийский, или кто-нибудь послал армию на Нью-Йорк, со всех холмов Южной Каролины двинулось бы население на помощь Нью-Йорку, — так ли, я не знаю, я только полагаю. Но вот что я знаю: если бы пошла чужая армия на Южную Каролину, то я знаю, кто пошел бы на помощь Южной Каролине (крик: «все пойдем!») — все до одного мы пойдем; потому не обманут меня они своею комедию об отложении; полагаю, не обманут и вас; а если не обманут вас и меня, то не успеют долго обманывать и самих себя. Вот в этом и вся сущность дела. Наши штаты должны быть нераздельны, и вечно будут нераздельны. Попробуйте вырвать звезду из созвездия***, — это невозможная вещь. Звезд ныне не меньше, чем было прежде, и будут они размножаться. Спрашивается теперь, что же нам делать, чтобы удержать в Союзе людей, которые страдают галлюцинацией, будто бы они выходят из Союза и станут жить отдельно? По-моему, нет лучше того правила, которого держится каждый хороший глава семьи. Если человек хочет разрознить свою семью, нет ничего легче ему, как разрознить ее. Если он недоволен сыном, пусть он начнет бранить его, жаловаться на него, грозить ему, стеснять его — и дело сразу будет покончено, — вот способ разогнать из своего дома всю семью. Но если вы хотите, чтобы семья не разрознивалась, у вас есть другой способ: будьте терпеливы, ласковы, снисходительны и ждите, пока люди сами одумаются. Если мы станем держать себя хладнокровно, спокойно, кротко, спор будет мягок, и скоро окажется, или что мы виноваты, — и мы уступим обиженным братьям, — или что мы правы, и они должны успокоиться и возвратиться в дружеские отношения к нам. Я не хочу предсказывать никакого решения. У нас много государственных людей, прямо спрашивающих, что намерен делать с Югом Север, что намерено делать правительство, — думаем ли мы принуждать наших южных братьев к возвращению в Союз? Они спрашивают и, разумеется, имеют право спрашивать, хорошо ли будет братство, вынужденное силой? Я могу сказать на это только вот что: уже очень давно жил Томас Морус, но и он заметил и записал в своих книгах, что учителей на свете очень много и что очень мало из них таких, которые умеют учить детей, зато очень много таких, которые умеют сечь их. Я предлагаю не спрашивать, что мы хотим

* Сьюард говорит о принятии Канзаса в число штатов.

** Сьюард намекает на нелепое намерение крайних сецессионистов отдаться под покровительство французского императора или Англии.

*** Намек на флаг Соединенных Штатов, усыянный звездами.

делать; но я желаю слышать, в чем обижен Юг, чтобы устранить причины неудовольствия, если их полезно устранить и если у нас есть возможность устранить их, — и ожидаю, что неудовольствие будет прекращено, если окажется неосновательно, — ожидаю потому, что надобность, породившая наш Союз, стала теперь еще сильнее, чем когда составлялся Союз, и что эта надобность вечна, а человеческие страсти мимолетны».

Отчего же Сьюард говорит так самоуверенно, придает так мало важности усилиям сецессионистов отторгнуть южные штаты от Союза, смотрит на будущность Союза с такою спокойною надеждою? Разве он еще обольщается мыслью, что никакие усилия сецессионистов не расторгнут Союза? Нет: раньше 23 декабря Южная Каролина объявила, что расторгает союз, и было известно, что в течение двух-трех недель пять других штатов последуют за нею. Сьюард спокоен и доволен потому, что успех сецессионистов послужил бы только к скорейшему уничтожению невольничества в южных штатах.

Читатель знает, что враждебная невольничеству или так называемая республиканская партия состоит из нескольких отделов, различающихся один от другого программой действий для уничтожения невольничества. Самый умеренный и донегде многочисленный отдел республиканской партии, известный под именем фрисойлеров, думал бы на первое время ограничиться косвенными мерами и вообще оставить уничтожение невольничества в каждом из южных штатов благоразумию самого этого штата. Фрисойлеры хотят только того, чтобы центральное правительство не находилось в руках плантаторской партии, не поддерживало и не распространяло невольничества насильственным образом. Они рассчитывают, что свободные штаты, размножаясь числом, возрастая населенностью и богатством быстрее, чем невольнические, скоро будут иметь в конгрессе такое огромное большинство, при котором сами невольнические штаты постепенно проникнутся сознанием неизбежности уступок. Кроме того, фрисойлеры ждут, что прилив европейской эмиграции и переселенцев из свободных штатов скоро доставит противникам невольничества большинство в пограничных штатах. Наконец невольничество само собою постепенно сплывает с северной части невольнических штатов: небрежное возделывание земли невольниками быстро истощает почву, и плантаторы, бросая изуровненные ими старые земли, двигаются на новые, с севера и с востока на южный запад: из Виргинии и Кентукки, из Северной Каролины и восточных частей Южной Каролины и Георгии в Миссисипи, Луизиану, Арканзас. В Виргинии и Кентукки негры держатся уже не столько для земледельческих работ, сколько на продажу в низовья Миссисипи. Пограничные невольничьи штаты, ведущие правильную вывозную торговлю неграми, должны противиться привозу невольников из Африки, чтобы держать в высокой цене свой товар. Плантаторы хлопчатобумажных

Фабрик, покупщики невольников имеют противоположный интерес, и если бы Юг отделился, они тотчас же отменили бы нынешнее запрещение—привозить негров из Африки; тогда пограничные штаты увидели бы необходимость освободить своих невольников, которые стали бы им в тягость. Рассчитывая все эти обстоятельства, видим, что самое развитие экономических отношений должно в скором времени уничтожить невольничество в пограничных штатах (Мериленде, Виргинии, Кентукки, Миссури), развить противоневольнический интерес в Техасе и на остальном юго-западе, куда льется европейская эмиграция, и таким образом доставить противникам невольничества решительный перевес в сенате; а быстрое развитие нынешних свободных штатов уже с самого начала Союза все усиливает перевес их депутатов в палате представителей. При ожесточении, возбуждаемом в невольнических штатах всякою мыслью о законодательных или административных мерах союзного правительства против невольничества, умеренные противники его считают удобнейшим пассивно выжидать естественных результатов самого экономического развития. Крайний оттенок враждебной невольничеству партии, или так называемая партия аболиционистов, думает иначе. Чувство надобности избавить Союз от невольничества берет в крайних аболиционистах верх над отвращением к решительной ссоре с Югом. Они давно готовы были бы вооруженною рукою провести законодательные меры против невольничества. Но война представляется им не единственным путем к быстрейшему его уничтожению, — они ждут почти столь же быстрого результата в случае отторжения невольнических штатов от Союза; в крайних аболиционистах Севера южные сецессионисты возбуждают восторг своими отчаянными действиями. Чтобы читатель понял причину этого и чтобы он не подумал, будто аболиционисты только теперь стали выражать радость, прикрывая натянутым восторгом внутреннюю свою печаль, мы приведем несколько страниц из книги, написанной год тому назад, когда шанс расторжения еще казался невероятен (South and North, by John Abbot. New-York 1860). Автор книги, Джон Эббот, не принадлежит к крайним аболиционистам, он не одобряет их замыслов, желал бы показать неосновательность их соображений, но не может, и очевидною фактов принужден согласиться, что расчеты аболиционистов непременно исполнились бы в случае расторжения. Вот что говорит он:

«Где провести границу в случае расторжения? Уж и теперь западная часть Виргинии враждебна невольничеству; часть Миссури также, а в Мериленде и Кентукки нет единодушия. Если противники невольничества в этих штатах будут принуждены войти в невольническую конфедерацию, они образуют в ней зерно свободной партии, которое станет разрастаться,

так что в самой южной конфедерации явится свободный север, как в нынешнем Союзе.

Скажу больше: через два года по отторжении не останется ни одного невольника в Мериланде, Виргинии, Кентукки и Миссури. Все до одного невольники уйдут за границу в свободные штаты, если хозяева не поспешат продать их на отдаленный Юг. Эти пограничные штаты неизбежно сделаются свободными штатами почти в самый час расторжения. Тогда все их интересы будут в пользу свободы. Они переделают сообразно тому свои законы. Эмиграция из свободных штатов полетится на их незанятые земли. Решительные приверженцы невольничества переведут своих негров в Каролину и Флориду. Этот результат будет произведен силами природы, столь же могущественными и неотвратимыми, как силы, сгоняющие к весне зимний снег и одевающие землю летней зеленью. Я не встречал человека, который оспаривал бы это. По освобождении первого ряда пограничных штатов и по присоединении его к Северу тот же процесс пойдет с удвоенною быстротою во втором новом ряду пограничных штатов уменьшившейся южной конфедерации. Отвратить это человек не в силах, как не в силах отвратить солнечного восхода.

Этот факт так ясен и верен, что ни Мериланд, ни Виргиния, ни Кентукки, ни Миссури, вероятно, не захотят быть в южной конфедерации. Как только в них пробудится убеждение, что надобно ждать расторжения Союза, рабовладельцы или поспешат на Юг с своими невольниками, или станут продавать невольников на Юг. Друзья свободы в этих штатах и теперь говорят с каждым часом громче и громче. А тогда, когда предложится народу вопрос о расторжении, вы увидите, что развернется в этих четырех штатах знамя свободы и они перейдут на ее сторону. Я полагаю, что нет, — по крайней мере я до сих пор не встречал, — ни одного умного человека, человека, который сомневался бы в том».

Вслед за этим Эббот рассматривает вопрос, стоящий теперь на очереди: каким способом может совершиться расторжение Союза? Не дальше как год тому назад, когда писана была его книга, сепаратисты только грозили расторжением в общих фразах, но никак не умели отвечать, когда просили их сказать, какими же путями думают они исполнить угрозу.

«Когда они пугают нас угрозою разорвать Союз, а мы отвечаем: «Союз скован так крепко, что вы не можете разорвать цепь», то, казалось бы, им следовало подкрепить свою угрозу, показав нам, как они могут исполнить ее. Но ни в газетах, ни в прениях конгресса мы не найдем ни слова о том. Дело в том, что как только начинает умный человек думать о такой задаче, он находит непреодолимые затруднения.

В случае расторжения является вопрос: которой половине должен достаться вашингтонский капитал? которой должно достаться имя Соединенных Штатов с нашим славным флагом и его звездами, флот, территории и устья Миссисипи, эта дверь, открывающая торговлю целого света великолепнейшей долине земного шара?

Если Юг, составляющий меньшинство, отторгнется даже и весь, Север, конечно, не отдаст ему этих элементов богатства и величия. А если Юг потребует их с оружием в руках, будет война. Какова же неприготовленность расторгнувшихся частей к боевой встрече? Мы предположим даже невероятное дело, что все невольничьи штаты пойдут в южную конфедерацию. Сравним же средства двух половин*:

* Цифры Эббота взяты из числа 1850 года; теперь перенес Севера еще значительнее.

Число граждан

Ценность имущества

Южная конфедерация	6 184 477	1 336 090 737	долларов
Северная конфедерация	13 233 670	4 102 172 108	»

В этот счет не включены невольники Юга, потому что в случае войны они были бы ему страшным затруднением. Многие из них восстали бы по первому выстрелу и сотнями тысяч поспешили бы под знамена вторгающейся северной армии. Может ли быть Югу какая-нибудь надежда на успех в таком столкновении? Север вдвое превосходит его населением и втрое богатством. Кроме того, Север имеет громадный флот, опытных матросов, превосходных мастеровых в арсеналах и на верфях и на всевозможных машинных заводах. Столкновение было бы безнадежно для Юга.

Есть в этом случае и другая сторона, еще поучительнейшая. Раздраженные люди часто делают безрассудство и сами идут на гибель. Предположим, что ультра-плантаторы крайнего Юга, не думая о последствиях, оторвутся от Союза и образуют рабовладельческую республику. Нынешние пограничные государства не пойдут с ними, а тотчас же, или очень скоро, присоединятся к Северу. Британские провинции, ни за что не соглашающиеся войти ныне в Союз, занятный невольничеством, найдут тогда всеобщим присоединиться к северной конфедерации. Северные штаты уже сходны с ними нравами и обычаями, любовью к свободе и религией, а торговые и землевладельческие интересы у них одни и те же. Северная конфедерация с первой же минуты явится свету во всем блеске национального могущества и величия. Нас тотчас будет 21 свободный штат с населением более 16 миллионов. Скоро присоединятся к нам 6 британских провинций с 3 миллионами свободных людей, а через несколько лет штаты Делавар, Мериланд, Виргиния, Кентукки и Миссури с населением 3 700 000 свободных граждан, потому что невольничество в них исчезнет, когда северные штаты уничтожат закон о выдаче беглых невольников. Таким образом, Север начнет свою жизнь с дружным населением более 22 миллионов свободных людей, у которых все интересы одинаковы, которым принадлежит весь материк от Атлантического до Тихого океана, от Гудсонова залива до Теннессиjsких гор. Эта страна способна прокормить сотни миллионов жителей; новые штаты станут быстро возникать на плодородных землях запада, населяясь людьми с атлантического побережья и из Европы.

А что станет делать Юг с своим невольничеством! Может ли он идти в ряду наций? Посмотрите на южные фабрики и заводы, арсеналы и верфи, посмотрите на приложение естественных наук ко всем отраслям промышленности, и скажите, могут ли работы новой цивилизации совершаться невольниками и белыми простолюдинами Юга, которым запрещено учиться? Кто станет исполнять эти работы на Юге, где «Журнал естественных наук Силамена» — издание запрещенное? Неужели вы думаете, что ваши невольники годятся в соперники зорким и уважаемым работникам Севера? Плантаторам дозволено у вас учиться. Но умеют ли плантаторы строить корабли и локомотивы, ткать материи, воздвигать дома и сцеплять берега рек мостами? Они джентльмены, а это работа, — а работа, по вашей философии, унижительно. На что же надеяться Югу? Он с каждым годом будет все больше впадать в варварство. Это неизбежно.

А тем временем наши северные корабли будут торжественно носиться по всем морям; по всему матерiku будет раздаваться ржание наших царственных локомотивов, этих коней, мускулы которых — сталь и дыхание — огонь; наши фабрики будут слать свои продукты всем народам и племенам земли; наши школы будут поднимать умственную силу всего нашего населения.

Мечты ли это? воздушные ли видения? — А что же Юг? он будет Испания западного континента. Громадно его пространство; благорастворен его климат и богата почва, как нигде под солнцем. Но что же он делает? — он гонит бичом два или три миллиона ленивых негров возделывать хлопчат-

тую бумагу, табак и сахар, — и только. Да и эту простейшую работу, не требующую участия мысли, он исполняет так плохо; что не собирает и третьей доли того продукта, какой был бы собран свободным трудом. Нет ни одной стороны жизни, в которой невольнический Юг не уступал бы далеко Англии, Франции или Северу. Он отстал в земледелии, в торговле, в фабриках, в литературе, в искусстве. Как только изгоняется невольничество из какого-нибудь места на Юге, место это пробуждается от заколдованного сна. Бальтимор, Мобиль, Новый Орлеан становятся свободными городами и развивается в них энергия свободы*. Но войдите в такой город Юга, где господствует невольничество, и вы на каждом шагу увидите признаки падения.

Как ни горько стали бы оплакивать мы расторжение Союза, как ни прискорбен был бы этот удар нашим братским чувствам к Югу, но есть в этом деле стороны, далеко не невыгодные для Севера. Отсекшись от невольничества, мы стали бы тогда единоклассным народом, без разноречия в интересах наших; вся наша энергия посвятилась бы на распространение свободы и просвещения**. Мы перестали бы тогда чувствовать себя лично униженными обязанностью ходить с плантаторами и их собаками в погоню за бегущими невольниками; не было бы уже опасения у нас, что сенаторов наших будут бить в залах конгресса, что наша нация будет опозориваема драками в законодательных собраниях. Мгновенно прекратились бы раздоры, столь много лет возмущавшие наш мир, и до Юга нам было бы столько же дела, как до Мексики или Кубы. Мы будем желать ему счастья. Зависги в нас возбудить он не может.

Если бы совершилось отторжение, оно было бы путем к уничтожению невольничества. Быть может, оно и необходимо для этого. И если сецессионисты восторжествуют, звон колоколов, которым возвестят на Юге разрушение связи между невольничествулюбющим Югом и свободолубящим Севером, возвестит также горам и долинам, что подписан смертный приговор невольничеству и приближается час освобождения. Торжество расторжения возвестит и вашим невольникам и нам, свободным, отмену всех законов о выдаче беглых невольников.

Все звенья цепи невольника мгновенно ослабнут. Толпами побегут невольники через невидимую черту, какая будет отделять их от земли свободы, и исход их направится не через пустыню. Уже и теперь у каждого на Севере бьется сердце, сочувствуя каждому собрату-человеку, пытающемуся сбросить оковы. Нужен только Акт Расторжения, совершенного Югом, чтобы весь Север проникся энтузиазмом и молчащая симпатия заменилась деятельным содействием. Три миллиона невольников по одну сторону невидимой черты, растянутой более чем на тысячу миль, не долго останутся за этою чертою, когда по другую сторону ее находится 20 000 000 белых людей, энергических, могущественных и богатых, грудь которых горит любовью к освобождению всех невольников. У нас миллионы экров ждут их плуга и заступа: наверное, мы уже сумеем защитить их и почтить каждого, какой бы расы ни был он, кавказской, монгольской, эфиопской, малайской или индийской, кто принимает благородный принцип «Освободите меня, или убейте!»

Темная пограничная черта невольничества, как черта тени, проходящей по затмившемуся солнцу, быстро будет подвигаться к Мексиканскому заливу, и невольники Юга, «не серебром искупленные», станут разливаться по бесконечным царствам Севера. Запада и Востока, земледельческим трудом увеличивая наше богатство. Несомненно то, что расторжение Союза — значит освобождение невольников. Многие из так называемых ультра-аболиционистов Севера так убеждены в этом, что самое пламенное их желание — растор-

* На фабриках, на верфях, в доках или пристанях невольничий труд невыгоден; потому, когда развивается в городе промышленная или торговая деятельность, невольники не употребляются в ней. В Новом Орлеане так мало невольников, что путешественник видит негров не более, чем в Нью-Йорке, да и те почти все свободные люди.

** Между тем как теперь много сил на Севере тратится в борьбе между друзьями и противниками плательщиков претензий, которыми связаны северные штаты в своем законодательстве и своей предприимчивости.

жение Союза, не как последняя цель, а как необходимое и могущественное средство для достижения благородной цели, для освобождения Америки. Они радуются каждому усилению южных сепаратистов и с восхищением повторяют старый афоризм, столь часто подтверждавшийся историей: «Влагает бог безумство тому, кого хочет погубить», «*Quem Deus perdere vult, prius dementat*».

Теперь читатель понимает, почему Сьюард так беззаботно и насмешливо смотрит на успех сепаратистов. Как предводитель партии, он должен держать себя осторожно. Прямо сказать, что он радуется безрассудству сепаратистов, что он желал бы им полнейшего успеха, он не может, — это значило бы оскорбить нынешнее расположение духа большинства в северных штатах, где масса, чуждая по обыкновению дальновидным расчетам, думает больше о настоящем прискорбном для ее патриотизма колебании американского единства, чем о последствиях этого кризиса, чрезвычайно благоприятных и единству распадающегося на минуту Союза и самым стремлениям Севера к уничтожению невольничества на Юге. Но в мыслях Сьюарда носятся эти соображения, и он при всех своих усилиях казаться огорченным не может скрыть внутреннего довольства. Заметив этот общий характер дела, перечислим главные его подробности.

Читатель знает, что президент Северо-Американских Штатов имеет власть более прочную, чем первый министр конституционного государства: он избирается на 4 года, и четыре года управляет Союзом, несмотря на то, к одной с ним или к противоположной ему партии принадлежит большинство палаты представителей, которая в конституционных монархиях постоянно решает, в чьих руках должна находиться исполнительная власть. Таким образом, выбор Линкольна определил на четыре года, что администрация Союза будет в руках партии, враждебной невольничеству, выигрыш, очень важный. Зато степень власти президента настолько же ограниченнее власти первого министра в Англии или Бельгии, насколько она прочнее ее. Мы говорим не о том только, что круг действий союзной власти в Америке гораздо теснее, чем круг действий центрального правительства в Англии или Бельгии, — это каждому известно; мы говорим, что и в этом кругу действий, более тесном, на долю президента приходится меньшая пропорция влияния, чем первому министру Англии или Бельгии. Во-первых, все административные дела прямо и формально подчинены в Соединенных Штатах контролю палаты представителей, между тем как в Англии или Бельгии она вмешивается в них лишь случайным, очень неполным образом, да и то лишь почти только выражением своего мнения о мерах, уже принятых кабинетом. В Америке палата представителей имеет постоянные комитеты по всем отраслям управления, и кроме того назначает особенные комитеты по всем важным административным случаям. Эти комитеты имеют постоянный надзор за всеми

распоряжениями и предположениями министерства, и на каждом шагу палата представителей может останавливать президента с его министрами. Кажется, довольно было бы уже одного этого вмешательства палаты представителей, чтобы президент видел себя довольно туго связанным; но он связан еще другою законодательною палатою. В Англии или в Бельгии от первого министра зависит, по крайней мере по форме, избрать своими товарищами, кого он сам найдет нужным. Конечно, на деле это определяется совещаниями его партии, а палата представителей может особенным решением заставить удалиться из кабинета каждого неприятного ей ее члена или каждого другого сановника. Но большая разница в том, если надобно доходить до такой резкой случайной меры, и в том, если прямо самое назначение каждого министра и сановника в должность прямо предлагается постоянным и формальным образом утверждению законодательной власти, как обязан предлагать президент своих кандидатов на утверждение сената. Таким образом, во-первых, когда большинство сената принадлежит к оппозиции, из управляющей партии могут вступать в управление делами только лица, соглашающиеся держать себя пассивным образом и бедствовать в тех вещах, в которых не сходятся с сенатскою оппозициею. Во-вторых, если в палате представителей большинство принадлежит оппозиции, то каждая в отдельности мера, неприятная ей, отстраняется в первую же минуту. Когда случается, что период власти президента совпадает с господством той же партии в обеих палатах, государственные дела в Америке ведутся энергически в духе этой партии. Если же не только в обеих палатах, а хотя в одной из них большинство не согласно с президентом, то администрация идет правильно и успешно только по обыкновенным текущим надобностям, по которым нет разницы принципов между людьми разных партий: дипломатические дела, военные и флотские дела, финансовая часть, почтовое управление и т. д. идут своим порядком; но по всем вопросам, в которых нация не единодушна, наступает отсрочка до той поры, когда новыми выборами президента, сенаторов или представителей восстановится преобладание одной партии во всех трех отраслях союзной власти. Такая отсрочка может длиться года два, даже все четыре года президентского срока. (Читатель знает, что представители выбираются на два года, президент на четыре, сенаторы на шесть лет.)

Если бы южные штаты приняли выбор Линкольна спокойно, положение дел было бы по вступлении его в управление таково. В нынешней палате представителей голоса почти поровну разделены между республиканскою партиею, избравшею Линкольна, и оппозициею. Равновесие доходит до точности почти математической. Из 243 представителей 119 или 120 — республиканцы, а 114 или 115 — чистые демократы. Та или другая партия получает большинство от 8 человек, так называемых «антилекомптон-

ских демократов», которые совершенно симпатизируют Югу и никак не согласятся ни на какую враждебную невольничеству меру, но с тем вместе не допускают, чтобы невольничество расширилось или принимались меры, враждебные Северу *. Таким образом, при нынешней палате представителей (срок которой кончается через год), администрация Линкольна, если бы и хотела, не могла бы провести никакой меры против невольничества в южных штатах. Но администрация эта и не могла составиться из расположенных к таким мерам людей при нынешнем сенате, в котором имеют сильное большинство приверженцы невольничества (это происходит оттого, что состав сената, как мы уже знаем, изменится довольно медленно; республиканская партия и возникла недавно, а стала быстро усиливаться всего лишь лет пять-шесть тому назад; потому многие сенаторы остались еще представителями той недавней поры, когда Север держался пассивно в вопросе о невольничестве). Сенат допустил бы в кабинет лишь таких республиканцев, которые не расположены к невольничеству в общем принципе, но считают опасным и преждевременным всякий опыт бороться с ним в южных штатах.

Казалось бы, что при нынешнем составе сената и палаты представителей плантаторам нечего еще бояться за невольничество в южных штатах, хотя бы Линкольн был крайним аболиционистом. Но сам Линкольн принадлежит к умереннейшим представителям республиканской партии, к тому оттенку ее, который хочет только избавить свободные штаты от насилия со стороны плантаторов, требующих, чтобы северные судилища и полиция покровительствовали рабовладельцам, отправляющимся ловить беглых невольников, и преследовали аболиционистов. Еще тогда, когда не было и мысли о Линкольне, как кандидате на президентство, когда не представлялось ему никаких причин маскировать свое мнение, он резко порицал всякое намерение северных аболиционистов прямо или косвенно действовать против плантаторов в южных штатах. Читателю известно, что когда аболиционисты стали принимать и пересылать в Канаду беглых невольников, но еще не составляли сильной партии умеренные люди, враждебные невольничеству, конгресс для успокоения южных штатов принял закон, обязывавший судилища и полицейскую власть в северных штатах выдавать беглых невольников, которые будут открыты на своем пути в Канаду преследующими их агентами плантаторов (Fugitive Slave Zan). Через несколько времени вер-

* Имя «антилекомптонских» получили эти демократы оттого, что отделились от массы демократической партии по вопросу о конституции для Канзаса, насильственно составленной года 4 тому назад агентами плантаторов, собравшимися в городе Лекомптоне под прикрытием пушек и обнародовавших фальшивые списки голосов при вотировании канзасского населения в составленном ими проекте. Демократическая партия в конгрессе и президент Буханан хотели признать эту конституцию и эти списки имеющими законную силу, но некоторые из северных демократов в палате представителей подали тут глас вместе с республиканцами против Буханана и своей партии.

ховный суд Союза, служащий истолкователем конституции и законов, решил, что если невольник не бежит от господина, а будет привезен самим господином в какой-нибудь северный штат, то он также не становится свободным человеком (хотя по частным законам каждого свободного штата рабовладелец признается фактически освободившим невольника, привезенного на свободную землю), и что господин, приехавший в свободный штат с своим невольником, может поступать с ним в свободном штате по законам своего невольнического штата, то есть наказывать его собственной властью; что судилища и полиция свободного штата должны усмирять такого невольника в случае неповиновения господину и по требованию господина давать вооруженный конвой ему для охранения собственности, если невольник вздумает уйти или жители свободного штата вздумают помогать ему в такой попытке (Dred Scot Decision*. Верховный суд Соединенных Штатов издавна покровительствует невольнической партии, потому что нынешние члены его назначены почти все еще в те времена, когда республиканской партии не существовало). Таким образом, свободные штаты были принуждаемы помогать сыщикам, посылаемым из южных штатов, и терпеть в своих городах учреждение, противное их законам, давать вооруженную силу на охранение лиц, нарушающих их законы. Свободные штаты решили, что закон о выдаче беглых и «дред-скотовский приговор» нарушают их права и законы, и запретили своим судилищам и полиции исполнять их (Personal Liberty Laws). Но кроме частных судилищ отдельного штата, действующих по законам этого штата, и кроме частной полиции штата, исполняющей приговоры этих судилищ, существуют в каждом штате союзные судилища и союзная полиция, действующие по законам союзного конгресса и по решениям верховного союзного суда. Таким образом, в каждом свободном штате по каждому делу о беглом невольнике или о поступках заезжего рабовладельца с привезенным невольником возникали столкновения между судилищами и полициями штата и союзной власти. Тут, без различия по партиям, все население свободной местности принимало всегда сторону свободы, и часто нужно было употреблять вооруженную силу для разогнания массы, сходящейся на защиту невольника. Вот из книги Эббота отрывок, относящийся к этому вопросу. Как и в отрывках, приведенных нами выше, Эббот обращается к белому населению Юга и преимущественно к самим плантаторам:

«Подумайте на минуту, братья, как странно ваше требование, чтобы мы допустили вторжение вашего невольничьего кодекса в нашу свободную землю и торжество его над нашими свободными учреждениями. Если турок придет

* Имя этого приговора «Решение о Дреде Скоте» произошло от того, что приговор был постановлен по делу невольника Дреда Скота, возбудившего вопрос о праве рабовладельцев не подчиняться в свободных штатах законам этих штатов.

в Портланд * и по турецкому закону зашьет свою жену в мешок и бросит в море, он не замедлит почувствовать руку наших законов и несомненно убедится, что он не на берегах Босфора. Турция имеет свои местные законы. Мы не вмешиваемся в них. Но она не может переносить их в Новую Англию. И если турок недоволен нашими законами, если он говорит, что мы нарушаем его «права», не давая ему привилегии топить своих жен, лишь они надоедят ему, то пусть он остается в Турции. И вы, джентльмены, должны поступать так же. Южная Каролина имеет свои местные законы. Массачусетс имеет свои. Южная Каролина дозволяет принуждать людей к работе без платы. Массачусетс не дозволяет. Южная Каролина дозволяет человеку бить плетью своего слугу, когда, где и как угодно. Массачусетс не дозволяет. Южная Каролина дозволяет продавать хорошеньких девушек с аукциона. Массачусетс не дозволяет.

Так, если южный каролинец хочет делать эти вещи, пусть он делает их в Южной Каролине. В Массачусетсе он не может их делать. У нас, если кто вздумает ударить своего кучера или горничную своей жены, мы не спрашиваем, откуда приехал этот человек и не дозволяются ли такие поступки законами его родины, все равно из Турции ли он, или с Мадагаскара, или из Южной Каролины. Он нарушил *наши* законы и должен идти в смиренный дом. Южная Каролина может устанавливать какие ей угодно законы у себя дома. Но, подобно Турции, она должна оставлять их у себя дома. Она не может переносить своих местных законов в Массачусетс и низвергать ими наши.

Отважитесь ли вы отрицать правильность этого принципа? Вы отрицаете его с удивительною дерзостью. Вы требуете права уничтожить в нашей земле наши законы и заменять их вашими. Если мы уступим такому требованию, мы будем достойны, чтобы надели на нас ошейник и погнали нас, хлопая бичами, на хлопчатобумажные поля».

Вот еще отрывок. Возвращаясь к подробному изложению выгод, которые получил бы Север от разрыва с Югом (краткий перечень этих выгод мы видели в одном из прежних отрывков), Эббот говорит между прочим:

«Мы избавились бы тогда от невыразимого унижения, которое терпим в путешествиях по чужим землям. В целом свете бесславятся Соединенные Штаты невольничеством. Однажды я ехал по Рейну; австрийский джентльмен, сидевший подле меня, узнав, что я из Америки, спросил:

— «Правда ли, милостивый государь, что в Америке продают людей и женщин, и мужчин, и детей на рынках?»

— «Да, сэр, отвечал я, правда».

И не прибавил я уже ни слова о том, что наша земля «царица света, любимица неба», что она «страна свободных, родина доблестных».

Если Союз расторгнется, я тотчас же поеду в Германию, отыщу этого австрийца и умолю его снова предложить мне прежний вопрос, и как облегчится мое сердце ответом:

— «Нет, сэр, слава богу, нет! моя страна — земля свободы».

Линкольн ограничивался желанием поддержать силу законов свободных штатов в этих самых штатах, предоставляя южным штатам поддерживать в своих границах невольничество какими им угодно законами. Точно такой же смысл имеет и другая главная черта программы, данной Линкольну республиканской партией при его избрании: принимая принцип, что в территориях, то есть землях, едва лишь начинающих населяться, еще не сде-

* В штате Мэн, в самом северном из штатов Новой Англии, служащей центром крайнего абсолютизма.

лавшихся самостоятельными штатами по малочисленности населения и находящихся под прямым управлением союзной власти, не должно быть допускаемо невольничество, республиканская партия только принимает естественный факт, изменить который можно лишь вооруженным насилием против поселенцев. Территории населяются, преимущественно с Севера, людьми Новой Англии и европейскими колонистами, ненавидящими невольничество. Эти поселения, враждебные невольничеству, уже составили широкую полосу по всей западной границе нынешних невольничьих штатов от южной части Техаса до северной части Миссури, занимая северо-западную половину Миссури (хотя это невольнический штат), всю территорию Канзас, Индейскую территорию и западную часть Техаса (хотя это также невольнический штат). Эта полоса свободных поселений, становящихся все шире и шире, отрезывает невольнические штаты от территорий, так что вторгаться в территории невольничество не может иначе, как подавляя шайками бандитов поселения, ни за что не соглашающиеся принять невольничество. Еще была бы надежда плантаторам прикрыть этот факт, если бы поселенцы юго-западных территорий были люди апатичные или трусливые: тогда бандиты, сразу запугав их, заставили бы молчать и покориться плантаторам. Но колонисты — люди очень энергические и храбрые. Они отражают бандитов, сами вторгаются в пристанища, устроенные плантаторами для бандитов, и за каждую обиду отмщают противникам, освобождая и уводя в своих побегах невольников у них. Каковы эти колонисты, можно видеть из того, что Джон Броун⁵, казненный год тому назад в Виргинии за попытку вооруженною рукою уничтожить невольничество в этом штате, был канзасский колонист. Таким образом, провозглашение принципа, что союзная власть не должна допускать невольничество в территориях, служит просто требованием, чтобы союзное правительство, заведующее территориями, не становилось на сторону бандитов, посылаемых против населения территорий, чтобы оно защищало колонистов или по крайней мере не мешало им защищаться.

Ничто не может быть скромнее программы, исполнять которую обязался Линкольн, и намерений самого Линкольна: он являлся представителем того оттенка республиканской партии, который желал только охранения законов, существующих в каждом штате, — равного охранения и северных и южных законов, — и прекращения междоусобной войны, разбойничьих вторжений, производимых с напрасною целью подавить естественный, непреодолимый факт отворачивания юго-западных новых населений от невольничества.

Если бы крайние приверженцы невольничества имели благоразумие перенести свою неудачу на президентских выборах, — спокойно признать переход исполнительной власти в руки своих

чрезвычайно умеренных, совершенно консервативных противников, выбор Линкольна имел бы важность только исторического предзнаменования, показывающего торжество нового порядка дел в будущем, довольно отдаленном; а самое время власти Линкольна не ознаменовалось бы, по всей вероятности, никакими значительными мерами к ослаблению невольничества. Республиканская партия хотела хранить мир, хотела ждать, медлить, бездействовать. Теперь дело повернулось иначе, и повернули его на свою погибель сами приверженцы невольничества.

Впрочем, не будем безусловно винить и их за нынешнее их безрассудство; теперь они сами уже понимают его, хотели бы удержаться, но не могут. Они слишком запутали себя прежними фанатическими маневрами, набрали себе толпы бродяг, которых уже не могут остановить, воспитали и ожесточили против Севера массу отчаянных авантюристов, которых уже трепещут сами. Действительно, нынешнее сепаратистское движение ведется не плантаторами. Плантаторы только подготовляли этот шанс, опрометчиво надеясь, что он никогда не настанет, что Север будет всегда робеть перед их похвальбами этим шансом. Они в таком же положении, как всадник, горячивший свою лошадь с криком «расступитесь! она передавит вас», разгоряченная лошадь закусала теперь удила и понесла. Всадник в ужасе опустил руки, ни жив, ни мертв.

Уже пять лет, с самого приготовления к прошлым президентским выборам, с весны 1856 года, предводители невольнической партии оглашали весь Юг криками, что республиканская партия хочет вторгнуться в южные штаты с армией, в авангарде которой будут идти беглые невольники, призывающие негров к поголовному истреблению белого населения невольнических штатов. Естественным заключением такой страшной перспективы являлась необходимость Югу отторгнуться от Союза в случае выбора республиканского президента. Все это было не больше, как политическим маневром, рассчитанным на то, чтобы белое население Юга безусловно поддерживало плантаторов на выборах, а приверженцы Союза на Севере принимали программу плантаторов. В 1856 году маневр этот совершенно удался, но удался уже через меру, как видим теперь. Агент плантаторов Буханан, сделавшись президентом, исполнял все их желания; в Канзасе были прикрыты неистовства бандитов, возмущавшие весь Север. При нынешних выборах значительная часть северных жителей, стоявших прежде за демократическую партию, перешла на сторону республиканцев, будучи выведена из терпения действиями Буханана, и демократическая партия была поражена на выборах во всех свободных штатах. А между тем на Юге уже больше четырех лет постоянно кричали, что при выборе республиканского президента белому населению Юга будет единственным спасением отторгнуться от Союза. Северные газеты, доказывавшие

противное, были запрещены на Юге; масса белого населения в своем невежестве приняла за чистую монету утрированные слова, бывшие только политическим маневром. Мы поймем всю извинительность легковерия ее, когда вспомним, что почти все в Европе тоже поверили словам приверженцев невольничества, будто бы Юг богат, а Север беден, Юг могуществен, а Север слаб, будто бы главным источником всего богатства в Северной Америке служит производство хлопчатой бумаги невольниками, будто хлопчатой бумаги нельзя было бы возделывать в таком количестве свободным трудом, и т. д. и т. д. У нас думают, что Западная Европа не имеет истинного понятия только о России, — разумеется, много думает она о России совершенных пустяков, но точно так же слишком во многом ошибочны понятия о каждой другой стране, господствующие за ее пределами: и об Англии большинство французских, немецких, итальянских (и наших) писателей имеют фальшивые понятия; и о самой Франции точно так же во всей остальной Европе господствуют очень фальшивые понятия; и о Северной Америке точно так же. Мы уже видели, что Север вдвое сильнее числом жителей и втрое богаче их имуществом, чем Юг. А вот еще два-три факта о важности хлопчатобумажного возделывания сравнительно с ценностью некоторых продуктов Севера и о мнимой необходимости невольнического труда для возделывания этого будто бы важнейшего продукта Соединенных Штатов. Ценность продукта только одной отрасли промышленности только в одном из северных штатов — рудокопного и машинного производства в Пенсильвании — ровно вдвое больше всей ценности всей хлопчатой бумаги, собираемой всем Югом. Штаты Пенсильвании и Нью-Йорк вместе могли бы купить с немедленною уплатою всей продажной цены все хлопчатобумажные штаты со всею их землею, всеми постройками, всем движимым и недвижимым имуществом. Весь хлопчатобумажный Юг в неоплатном долгу у города Нью-Йорка. Всей хлопчатой бумаги Юга недостает Югу, чтобы поквитаться за товары, поставляемые на Юг Нью-Йорком: вексельный курс в Нью-Йорке всегда против Юга, то есть южных ценностей недостает на уплату южных долгов Нью-Йоркской бирже. Возделывание хлопчатой бумаги свободным трудом было бы по точному расчету вдвое дешевле возделывания невольничьим трудом, а при равных затратах на хлопчатобумажное производство свободный труд давал бы втрое больше продукта, чем получается ныне при невольничестве. Стоит заглянуть в цену 1850 года, чтобы увидеть эти факты. А между тем переберите сотню всевозможных европейских газет, едва ли найдете вы из них 5 или 6, которые совершенно бескорыстно не повторяли бы, что без невольничества невозможно производить хлопчатую бумагу, что Юг богат и могуществен, что Север кормится чуть ли не милостынею Юга, и т. д. и т. д. Что газеты? Загляните в

знаменитые европейские книги о Северной Америке, — почти во всех найдете повторение того же самого. Простительно после этого белым беднякам Юга, что они поверили, будто бы Линькольн пойдет, предводительствуя беглыми невольниками и возмущая всех невольников Юга, истреблять всех белых на Юге, что спасти свою жизнь они могут только отторжением от Союза, что Север обнищает, если они отторгнутся от него, что они завоюют Север и будут разосланы по завоеванным областям полномочными правителями с огромным жалованьем.

Авантюристы, предводительствующие этими толпами, захватили теперь перевес на Юге, благодаря опасениям и надменным надеждам, возбужденным на Юге опрометчивыми криками плантаторов, не предвидевших, как разгорается затеянная ими мистификация. Они наводили ужас, население Юга прониклось ужасом и отдалось в руки отчаянным людям, которые теперь терроризируют все хлопчатобумажные штаты и едва ли не вовлекут в ту же пучину пограничные невольничьи штаты. Посмотрите, с каким видимым единодушием решает теперь один хлопчатобумажный (штат) за другим, что он отторгнется от Союза. Не дальше как в начале ноября было не то: только в одной Южной Каролине партия отторжения имела довольно большое число голосов, хотя и там едва ли имела большинство; во всех других штатах большинство было против отторжения. В южных штатах было три кандидата на президентство: Брекенридж, Дуглас и Белль. Из них Брекенридж был кандидатом сецессионистов, а Дуглас и Белль служили кандидатами двух партий, хотевших сохранить единство во что бы то ни стало, при каком бы то ни было результате президентских выборов. Из всех южных штатов только в одной Южной Каролине большинство поданных голосов было за Брекенриджа; во всех остальных голоса, поданные за Дугласа и Белля, составляли сумму больше голосов, поданных за Брекенриджа. А между тем, кроме сецессионистов, был подан за Брекенриджа голос очень многими противниками отторжения. Это значит, что еще в самый день президентских выборов, не дальше как 6 ноября, сецессионисты имели против себя огромное большинство южного населения. Отчего же теперь нет в хлопчатобумажных штатах голосов против отторжения? Воспользовавшись испугом населения при известии о торжестве республиканского кандидата, сецессионисты стали терроризировать Юг; их противники вынуждены теперь молчать, чтобы не подвергнуться неистовству бандитов, которые служили плантаторам против свободных поселенцев Канзаса, а теперь служат авантюристам против самих плантаторов.

В прошлый раз мы говорили, почему Южная Каролина из всех невольничьих штатов наиболее готова была попасть в руки сецессионистов. Она рассчитывает быть важнейшим штатом южной конфедерации, служить центром ее торговли, и самый

Восторженный на защиту невольничества город на всем пространстве южных штатов — город Чарльстон, торговый центр Южной Каролины, город, в котором, как мы говорили, почти вовсе нет ни невольников, ни рабовладельцев. Одна эта горячность в пользу невольничества со стороны горожан, нашедших для себя невыгодным делом иметь невольников, достаточно свидетельствует, во-первых, что авантюристы господствуют над самими плантаторами в сецессионистском движении, а во-вторых, что ревность сецессионистов в защите невольничества не служит еще ручательством за выгодность невольничества для самих землевладельцев, возделывающих поля невольничьим трудом. Действительно, по сравнению статистических цифр оказывается, что при уничтожении невольничества ценность земли в южных штатах поднялась бы на сумму, далеко превышающую ценность всех невольников, так что землевладельцы остались бы в большом денежном выигрыше, освободив невольников даже без всякого вознаграждения. Расчетливые и деятельные люди между плантаторами сами понимают это и желали бы освобождения. Но чтобы стать выгодным для их земель, оно должно быть общею мерою для всего штата и сопровождаться изменением в законах: если же только тот или другой отдельный землевладелец освободит своих невольников, его земля не поднимется в цене, потому что останутся подавляющими ее ценность законы штата, не допускающие условий, от которых возвышается ценность земли. А разъяснить свои расчеты и внушить свои намерения большинству своих соотечественников эти плантаторы не могут, потому что хозяйство при невольничестве ведется безрасчетно. Напрасно было бы думать, что невольничество держится в южных штатах своею выгодностью для плантаторов: оно выгодно только для людей, торгующих невольниками, а плантаторы отстаивают его лишь по рутине, по небрежности своих привычек, по отвращению от деятельных занятий сельским хозяйством, — по качествам, прямо противоречащим их собственной денежной выгоде⁶.

Однакоже мы замечаем, что если станем продолжать изложение всех обстоятельств дела в таком же размере, то рассказу не будет конца раньше, как на 15-м или 20-м печатном листе: надобно рассказать все остальное как можно короче.

Мы говорили в прошлый раз, что сецессионисты стараются спешить своими действиями, чтобы покончить разрыв до 4 марта, когда вступит в управление Линкольн, и чтобы безвозвратно связать Юг прежде, чем успеет большинство его граждан опомниться от первого панического потрясения. Путь к переменам в коренных законах во всех штатах одинаков: обыкновенное законодательное собрание решает, что граждане штата должны выбрать особенных депутатов с неограниченным полномочием на изменение политических учреждений штата, — это чрезвычайное собрание полномочных депутатов называется в Америке конвентом. Законо-

дательная палата Южной Каролины первая созвала конвент (в половине декабря); потом было решено созвать конвенты в других хлопчатобумажных штатах, — все эти конвенты находятся уже под влиянием решений южно-каролинского конвента, и один за другим повторяют его декреты. Конвент Южной Каролины 19 декабря решил, что штат его выходит из Союза; теперь то же самое решено конвентами Алабамы, Миссисипи, Флориды, Луизианы, вероятно последуют за ними Georgia, Техас и Северная Каролина. Успеют ли сепсессионисты терроризировать пограничные штаты, еще неизвестно, но это очень может произойти. Агенты сепсессионистов из хлопчатобумажных штатов сильно работают в них, а конвенты хлопчатобумажных штатов уже сносятся между собою о составлении «Южного Союза», основанием которого будет служить союзная конституция Соединенных Штатов, переделанная в смысле крайнего покровительства невольничеству. Сенаторы и представители Южной Каролины уже удалились из вашингтонского конгресса; вероятно, стали удаляться из него сенаторы и представители других штатов, по мере того как конвенты их штатов объявили свое отторжение от вашингтонского Союза.

По европейским понятиям, этим уже окончательно определялось бы положение дела. Но в Северной Америке не то. Не забудем, что каждый штат есть самобытное «государство» с отдельною законодательною властью и особенными законами (штат, State, прямо и значит государство, а Северо-Американский Союз есть не «государство», а «соединение северо-американских государств», Union of the North American States). Всякие прокламации об отторжении и т. д. имеют только отвлеченное, более теоретическое, чем практическое, значение, пока союзная власть не встречает положительного препятствия исполнению своих законных обязанностей или не подвергается вооруженному нападению. Сепсессионисты спешат придать окончательный характер отторжению фактами того и другого рода. Дело это они начали с Чарльстона, главного своего центра.

Единственная обязанность союзного правительства, исполнению которой могла препятствовать по своему географическому положению Южная Каролина, отделенная пограничными штатами от резиденции союзного правительства, — сбор таможенных пошлин в Чарльстонской гавани. Чиновники штата заняли здание таможни и стали собирать пошлины в кассу своего штата, а не в кассу Союза.

Началось и вооруженное нападение на союзные войска. Чарльстонская гавань укреплена тремя фортами, из которых только один, Мультири, самый большой, был занят слабым отрядом союзных войск, состоявшим всего из 70 человек под командою Андерсона, который был намерен твердо защищаться против сепсессионистов, несмотря на то, что сам родом из невольничьего

штата Кентукки. Узнав о замыслах чарльстонцев и южно-каролинского конвента захватить в плен его отряд, он, не дождавшись разрешения от президента, под собственною ответственностью перевел ночью свой отряд в другой форт, Сёмтер, гораздо более крепкий и считаемый неприступным, а форт Мультири и другой слабый форт Пинкни совершенно бросил, заклепав в них пушки. Сёмтер лежит на острове, и чарльстонцы, не имеющие ни канонирских лодок, ни даже порядочных купеческих пароходов, до сих пор не могли ничего предпринять против него, но, по последним известиям, встретили выстрелами с берега корабль, посланный с подкреплением к Андерсону.

Таким образом, сецессионисты уже начали фактическое нападение на союзную власть, и можно сказать, что война началась, хотя еще не объявлена.

Не делай они этого, они имели бы больше шансов к успеху. Теперь их положение стало очень дурно. Посмотрим, как отразились их отчаянные действия на расположении Севера и на действиях союзной власти.

Президент Буханан до самых последних чисел декабря прошлого года исполнял волю невольнической партии, увлекшись своею услужливостью к ней до того, что помогал замыслам сецессионистов и открыто покровительствовал им. Из семи членов его кабинета трое были самыми жаркими сецессионистами, — министр финансов Кобб, военный министр Флойд и министр внутренних дел Томпсон. Подавая голос с ними, он доставлял им большинство в кабинете и всячески помогал им. Еще с лета, опасаясь победы республиканцев на президентских выборах, они вчетвером стали готовить невольническим штатам удобства и средства к восстанию против Севера. Союзные гарнизоны были постепенно выводимы из фортов и арсеналов хлопчатобумажных штатов или чрезмерно ослабляемы (мы видели, например, что из трех чарльстонских фортов два были оставлены без всякого гарнизона, а в третьем гарнизон уменьшен до 70 человек; так было и везде на Юге). А с тем вместе в южные арсеналы, при которых не было оставлено ни одного солдата, посылались огромные запасы оружия, пороха, пуль, ядер и т. д. (На Юге нет и оружейных фабрик, как нет почти никаких других.) Так, например, в чарльстонский арсенал, из которого были удалены солдаты буквально все до одного, было нынешним летом послано 30 000 ружей. Эти отправки оружия на Юг продолжались, когда уже собирались там конвенты для отторжения от Союза, а Южная Каролина и провозгласила отторжение. Буханан официально поддерживал Брекенриджа, кандидата сецессионистов, и сменил всех союзных чиновников, хотевших поддерживать Дугласа, кандидата демократов, противившихся отторжению, хотя целая половина демократической партии, избравшей Буханана, поддерживала Дугласа. Надобно притом заметить, что Брекенридж —

вице-президент Союза. По закону, вице-президент заступает место президента в случае его смерти или отказа от должности, до начала нового президента. На случай торжества республиканцев был даже составлен план, что Буханан, подведя дело к расторжению, откажется от должности за месяц или за полтора до конца президентского срока (то есть до 4 марта), и Брекенридж, заняв место, объявит себя прямо предводителем сецессионистов, займет войсками Вашингтон и сдаст его сецессионистам, которые созовут там «национальный конвент» для составления новой союзной конституции в духе невольничьих штатов, объявив исключенными из Северо-Американского Союза штаты Новой Англии, в которых никакими средствами уже не надеялись они доставить перевес партии, готовой на уступки невольничеству. Удивительно, до чего могут быть ослепляемы или страстью, как Брекенридж, или привычкой к угодничеству своим покровителям, как Буханан, люди очень опытные и хитрые, какими нельзя не признать их обоих и других предводителей сецессионизма, составлявших вместе с ними этот химерический план, который можно сравнить разве с тем, как если бы алжирцы собирались завоевать Францию и исключить парижан из своего нового алжирско-французского государства.

Но как бы то ни было, Буханан действовал в таком духе. Разумеется (мы уже и говорили это), у невольнической партии и у него, ее представителя, была уверенность, что не придется им исполнять своих планов, что Север испугается их замыслов, интриг и угроз, что они выиграют битву без действительной траты пороха. Оно бы, может быть, так и вышло, если бы сецессионисты уже не испортили дело чрезмерною заносчивостью и отчаянностью действий. А впрочем, и то сказать, что ведь только на отчаяннейшей заносчивости и была основана возможность успеха: в самих хлопчатобумажных штатах сецессионисты были бы отброшены в ничтожество опомнившимся большинством, если бы не торопились ковать железо, пока горячо.

Мы говорили, что Буханан верно служил своим повелителям — сецессионистам. Когда в начале декабря собрался конгресс, Буханан, представляя конгрессу, по заведенному правилу, годичный обзор положения дел Союза, изложил в чем такой взгляд на сецессионистский кризис и такие советы, от которых изумились все простодушные люди на Севере, никак не предполагавшие, чтобы человек из свободного штата (Буханан родом из Пенсильвании) мог дойти до такого раболепства перед партией невольничества. Буханан говорил, что он не имеет власти противиться вооруженному восстанию, начинаемому Южною Каролиною, оплакивал несправедливость Севера, обижающего Юг; говорил, что даже уступка со стороны республиканцев сецессионистам во всех опорных пунктах была бы недостаточна для смягчения справедливого гнева Юга, что все частные вопросы эти еще ничего не значат перед коренною причиною вражды, лежащею в

том, что на Севере печатаются книги и издаются газеты, выставяющие невольничество учреждением неблаговидным и убыточным, что надобно устранить эту причину вражды Юга к Северу.

Северные демократы увидели наконец, куда ведет их преданность плантаторам. Но Буханан продолжал идти по прежнему пути. Андерсон требовал подкреплений, — президент сказал, что не может послать их. Тогда председатель кабинета (государственный министр) Касс вышел в отставку, объявив отказ Буханана изменою долгу. Буханан и тут не перестал угождать плантаторам. В Вашингтон явились комиссары, посланные Южною Каролиною к союзному правительству требовать признания Южной Каролины независимым государством, сдачи фортов, лежащих в ее границах, условиться о том, какая часть других союзных имуществ и долгов будет перенесена на долю нового государства. Буханан принял этих комиссаров, хотя был бы обязан отвечать им, что никаких сношений с возмутителями не может иметь; он давал им обещаний, дело шло отлично, — но вдруг остановилось.

Это было в конце декабря. С каждым днем росло негодование во всем населении северных штатов и большинстве населения пограничных невольничьих штатов. Главнокомандующий союзною армиею генерал Скотт отказался отозвать Андерсона из чарльстонских фортов и выражал твердое намерение послать войска против сецессионистов, если они не смирятся. Он сам родом из невольнического штата (из Виргинии), как и Андерсон (из Кентукки). Это было слишком явным доказательством, что и пограничные невольничьи штаты не одобряют президента. На всем Севере собирались грозные митинги. Пенсильвания и Нью-Йорк, постоянно бывшие самыми снисходительными к Югу из свободных штатов, начинали вооружаться, и законодательные палаты их вотировали против сецессионистов. В союзной палате представителей республиканцы с каждым днем становились тверже, видя себе единодушную поддержку на Севере и от своей партии и от массы людей, стоявших прежде за демократов. А между тем сецессионисты, как будто не понимая ничего, становились все запальчивее: комиссары Южной Каролины объявили Буханану, что переход Андерсона из форта Мульти в форт Семтер они считают нарушением данного им за несколько дней перед тем президентом обещания, что не будет сделано никаких перемен в размещении союзных войск, и требовали наказания Андерсона. Буханан имел дух предложить министерству, что надобно удовлетворить справедливому требованию Южной Каролины. С этой минуты начинается поворот дела. Большинство членов кабинета, видя, что северные демократы против Буханана, ободрились и положили, после жаркого прения с президентом, одобрить действия Андерсена и послать ему подкрепления; сецессионисты Флойд и Томпсон вышли тогда в отставку (в первых числах января; Кобб вышел в отставку раньше, когда видел, что и

без него сецессионисты будут господствовать в кабинете, — он уехал предводительствовать сецессионистским движением в своем штате, Георгия). В Буханане прежнее раболепство перед сецессионистами заменилось страхом перед гневом северных демократов. Подкрепления Андерсону были посланы морем. Транспорты оружия и пороха, отправленные к сецессионистам, были остановлены. Генерал Скотт стал придвигать войска с севера и запада к Южной Каролине. На этом останавливаются последние, полученные в минуту, когда мы пишем, известия. Повидимому, дело идет к решительной развязке, результат которой не подлежал бы сомнению. Но мы не отваживаемся надеяться, чтобы кризис дошел до нее. Обоюдное раздражение сильно. Республиканская партия в палате представителей, при начале заседаний (и в первых числах декабря) еще предлагавшая примирение, решила, по последним известиям (в начале января), уклониться от переговоров с сецессионистами, решила требовать, чтоб палата представителей прекратила всякие прения о кризисе, занялась исключительно так называемыми «текущими делами», то есть обыкновенным вотинованием бюджета, и, окончив их как можно скорее, отсрочила свои заседания до 4 марта, до вступления в президентство Линкольна, который уже объявил, что находит обязанностью союзной власти употребить военную силу для усмирения «изменных», treason, и «мятежников», rebels. Чтобы исполнилось это, надобно желать только одного: чтобы сецессионисты продолжали еще два месяца действовать с прежнею отчаянностью.

Но мы не отваживаемся иметь эту надежду на их безрассудство, хотя она и подкрепляется всеми их прежними действиями. Они уже смущаются: у них нет денег, — у них нет кредита, — у них нет ничего, кроме буйства. Южная Каролина не могла ни на каких условиях найти даже ничтожную сумму 400 000 долларов (менее 600 000 р. сер.), которую вотиновала на первые военные надобности, — она принуждена собирать эти деньги насильственной раскладкою займа на зажиточных людей. Очень может быть, что сецессионисты смирятся, — это было бы хуже всего, но мы не смеем надеяться, что этого не случится. Тогда Севером снова овладеет мирное расположение, и дело будет кончено как-нибудь «компромиссом», то есть взаимными уступками, ничего не решающими, с взаимными обещаниями отложить вопрос о невольничестве, чего ни та, ни другая партия не может исполнить. Компромисс был бы несравненно хуже всего — хуже междоусобной войны, еще гораздо хуже мирного расторжения Союза: эти обе развязки быстро повели бы к восстановлению Союза с уничтожением невольничества или, по крайней мере, с законодательными постановлениями, ведущими к его уничтожению. А компромисс опять оттягивал бы дело.

Впрочем, это хорошо говорить нам, посторонним: нам нечего жалеть людей вроде Буханана, Кобба, Флойда, их сподвижников

Девиса, Янси, Пайкенса, Брукса⁷ и их преторианцев: они не родня нам. Но ведь северным свободным людям они братья по происхождению, по прежнему дружному и славному прошедшему. Север слишком, слишком готов щадить их. Посмотрим, однако, что будет.

О Европе довольно будет сказать два-три слова, потому что все прежние отношения оставались в прежнем виде, только становясь все более натянутыми.

В ту минуту, как мы пишем это, происходят в Италии выборы депутатов нового «итальянского парламента». Оппозиция надеется иметь в нем больше представителей, чем имела в прежнем парламенте «Северной Италии»; полагают, что довольно много гарибальдийцев и маццинистов будет выбрано в Неаполе и Сицилии. Кавур увидел поэтому надобность искать примирения с Гарибальди, к которому был послан (в половине января) Тюрр с поручением просить его не являться предводителем оппозиции. Гарибальди, по обыкновению, из патриотизма согласился убеждать своих приверженцев к уступчивости и напечатал к ним письмо в этом смысле.

Французский флот отозван из-под Гаэты в половине января, по настоянию Англии, отношения которой с Франциею становились уже довольно дурны. Но французский флот все-таки отошел не прежде, как по привозе, под его охранением, значительного запаса продовольствия в Гаэту, которая, говорят, запаслась теперь провиантом на целые полгода. Однакоже теперь она едва ли может держаться долго, будучи заперта и с суши и с моря. Войска Франциска II, уходившие в Рим под защиту французов, пересланы оттуда в Абруццы, где ведут партизанскую войну; число их простирается в Абруццах тысяч до 10; есть отряды их и в других гористых местностях горной Италии. Кавур сначала не мог принять против них сильных мер; но теперь посланы большие колонны для прекращения этих волнений.

В Венгрии комитаты, один за другим, принимают решения, подобные пештским. Правительство готовится к вооруженному усмирению этого движения. Австрийские войска в Венгрии усиливаются. Носятся слухи, что скоро будут объявлены находящимися в осадном положении некоторые комитаты. Предвестником этой меры явился декрет, объявляющий, что многие из решений, принятых комитатскими конгрегациями, противозаконны и что если комитаты вздумают приступить к их исполнению, это будет сочтено мятежом, который австрийское правительство станет усмирять военным путем. Между тем 2 апреля (нов. стиля) назначено собраться венгерскому сейму, выборы в который разрешено производить по закону 1848, лишь слегка измененному.

Воцарение нового короля⁸, уже два года управлявшего государством с титулом регента, конечно, не производит никакой перемены в положении Пруссии.